

RENE HOVEN, *Stoicisme et stoiciens face au problème de l'au-delà*, P., «Les Belles lettres», 1971, 179 стр.

Сложность проблем, встающих неизбежно перед каждым, кто сталкивается с изучением стоицизма, обусловлена рядом причин: это и неоднородность самого учения в целом, и состояние источников, большая часть которых дошла до нас во фрагментах или же в пересказе поздних авторов. В значительной части фрагментов большая роль придается понятиям «тело», «телесность» и т. п., что позволяет некоторым исследователям трактовать стоицизм в материалистическом духе, тем более, что многие из стоиков признавали внешний материальный мир, его отражение в сознании человека благодаря чувственному восприятию. Однако часть фрагментов стоиков обнаруживает теснейшую связь понятия о «материальной текучести» с идеальными понятиями, и было бы заблуждением считать стоицизм в целом материалистически ориентированным философским учением. Вся эта сложность стоической доктрины, естественно, побуждает ученых снова и снова возвращаться к изучению общих и специальных проблем стоицизма¹. В этой связи, как нам кажется, некоторый интерес представляет тема, избранная Овеном для его книги — проблема потустороннего у стоиков, поскольку она дает возможность исследовать противоречивые положения стоического учения о мире и о месте и назначении человека в этом мире. Обратимся к рассмотрению самой книги.

¹ Posidonius. Ed. by L. Edelstein and I. G. Kidd, Cambr. Univ. press, 1972, 336 с.; L. Bloos, *Probleme der stoischen Physik*, Hamburg, 1973, 159 с.; A.-J. Voelke, *L'idée de volonté dans le stoicisme*, P., 1973, 216 с.; M. Friede, *Die stoische Logik*, Göttingen, 1974, 224 с. См. также анализ стоической диалектики в кн. «История античной диалектики», М., «Мысль», 1972, стр. 226 сл.

Книга Овена — попытка дать общий очерк стоических представлений о потустороннем, описать в первую очередь умозрительные концепции. Автор не ставил перед собой цель охватить все стороны стоической доктрины, и потому, оставляя в стороне проблемы влияний и противоречий, связанные с различием школ и направлений, Овен касается по преимуществу одного аспекта, а именно физики (натурфилософии), или науки о бытии, а точнее, субаспекта — проблемы потустороннего в учении стоиков. Прежде всего автора занимает вопрос, существовала ли стоическая доктрина о потустороннем? И если да, то какова ее логическая структура, в равной ли мере была она принята различными стоиками и насколько сильное влияние иных философских течений испытала эта доктрина. Стоическое учение о потустороннем, считает Овен, предполагает полную зависимость потустороннего в понимании стоиков от физики, из которой оно произрастало, и сочетание таких двух форм потустороннего, как — в общекосмическом плане — идея палингенеза (периодическое воспламенение и очищение космоса) и — в человеческом плане — вера в посмертное существование человеческой души.

Книга разделена на две основные части: в первой говорится о Древней и Средней стое в связи с рассматриваемой проблемой, во второй — о Поздней стое.

Овен показывает, что стоические умозрительные схемы — модели как и некоторые предшествующие философские течения, например, платонизм, придают большое значение стремлению к целостному пониманию мира путем приобщения к сфере высшей реальности, или в терминологии автора — потустороннему. Взгляд на мир как на целое предполагает знакомство с его строением, и потому первую главу Овен начинает с рассмотрения единого и материального космоса стоиков — идеального мирового порядка. Несмотря на то, что термин *κόσμος* имеет несколько значений, это, по мнению Овена, ничуть не противоречит тому, что он может означать одновременно мир в целом неизменный, нетленный, идентичный божественному огню, или Зевсу, так и мир (*δύναμις κόσμος*) упорядоченный, порожденный и одушевляемый огнем, находящийся в постоянном движении, то есть, подверженный порче. В определенный момент, а именно, по истечении «большого года», по учению, приписываемому стоикам, периодически происходит поглощение мировой душой, или божественным огнем, всех существ и вещей, включая и всех богов, кроме Зевса. Мировой пожар (*ἐκπύρωσις*) охватывает весь космос, в результате чего все, что он содержит, воспламеняется и возникает новый мир. Это последовательное, периодически повторяющееся возрождение мира, людей, событий, стоики и называли палингенезом (*παλιγγενεσία*), в котором паходил осуществление стоический принцип абсолютной повторяемости вещей. Овен считает, что основные свидетельства, приписываемые Зенону, Клеанфу, Хрисиппу сходятся на том, что: а) мировой пожар и палингенез носят всеобщий характер и охватывают весь космос со всем, что его составляет; б) в соответствии с идеей стоического детерминизма после наступления нового цикла все возрождается таким же, каким было в предшествующий период; в) мировой пожар и палингенез случаются бесчисленное количество раз и в этом смысле мир можно рассматривать как вечный.

Однако, такому взгляду на возникновение и гибель мироздания противоречит совершенно обратное утверждение Панэтия, считающего мироздание непреходящим. Большую ясность в вопросе о палингенезе, пишет Овен, трудно установить, так как свидетельства самих стоиков очень разноречивы. Автор приводит выдержки из Смплика (SVF, II, 627) и Александра Афродисийского (SVF, II, 624), которые, по мнению Овена, позволяют говорить о принятии Хрисиппом теории палингенеза. В то же время Овен считает, что противоположное этому свидетельство о Хрисиппе — Оригена — обусловлено влиянием поздних стоиков².

Овен полагает, что идея пожара и палингенеза присуща почти всем стоикам от Зенона до Посидония, хотя это не исключает того, что некоторыми из них — например, Панэтием — эта идея отвергалась. Палингенез Овен рассматривает как форму поту-

² Р. Жоли оспаривает это замечание Овена о «ложном мнении» Оригена (см. рец. R. Joly, «L'antiquite classique», t. 41, 1972, № 1, с. 376).

стороннего в общекосмическом плане и если, думает он, принять утвердительный ответ о «численном тождестве» (под «численным тождеством» Овен вслед за Кантом разумеет возможность тождества мира в различные моменты его существования до пожара и после), то читатель должен будет признать, что у стоиков существовала вера в истинное трансцендентальное возрождение, то есть в существование потусторонней жизни по отношению к земной.

Взаимоотношения человеческой души и тела (является ли душа формой материи?), а также вопросы жизни и смерти анализируются во второй главе. Учение о душе, считает Овен, было у стоиков частью физики в ее изначальном смысле как теории природы. Человеческая душа состоит из легких и тончайших элементов — огня и/или воздуха (πῦρ, πνεῦμα и т. д.). Эта «телесность» души объясняется стоиками посредством теории «всеобщего смешения» — *μῆξις* или *κράσις δι' ὅλου*, связанной с космической «симпатией» и обуславливающей взаимопревращаемость вещей. Древние стоики различали в человеческой душе восемь частей, или мер (*μέρη*) — пять чувств, способность речи, мыслительную способность, воспроизводительную силу — причем одна из них была «ведущей», «господствующей» (*ἡγεμονικόν*) и главенствовала над остальными частями души, придавая душе некое функциональное единство. Человеческая душа как и тело, способна вынести много рождений и это представление, приписываемое одними свидетельствами стоикам вообще, другими — Зенону, Клеанфу, Хрисиппу, Панэтию, Овен склонен рассматривать как одно из основополагающих в стоической школе. Автор считает, что нет никакого противоречия между этим представлением и теорией о божественном происхождении человеческой души по крайней мере в ортодоксальном стоицизме. Противоречие оказывается вроде бы мнимым, если рассматривать человеческую душу как часть божественной мировой души (*ἀποπάσμα*) как это делают стоики (SVF, I. 124; II. 633, 738, 739). Автор повторяет Боянса, который считает, что оформлению такого взгляда способствовало влияние Антиоха Аскалонского и в значительной степени «Тимея» Платона. Однако и до сих пор остается много неясного в понимании души стоиками.

Известно, что в моральном плане жизнь и смерть для стоиков представляются равно безразличными (*ἀδιάφορα*). Можно отметить только, замечает Овен, что смерть стоики относили к таким вещам, которых следует избегать (*ἀποπροηγμένα*), а жизнь — к ряду предпочтительных вещей (*προηγμένα*). К последним, по словам Цицерона (Cic. de fin. III, 17, 57) стоики причисляли и славу, почет (*εὐδοξία*) — некий род индивидуального бессмертия.

Стоики, считает Овен, более или менее сходятся в том, что душа после гибели тела продолжает существовать. Невозможно более определенно установить время существования человеческой души после гибели тела, поскольку суждения самих стоиков весьма разноречивы. Так, если Зенон просто говорит о «долговечном» (*πολυχρόνιος*) существовании души, то Клеанф полагает, что человеческие души доживают до мирового пожара, Хрисипп склонен различать существование душ мудрецов, которому кладет предел мировой пожар, и более кратковременное существование прочих душ. Из этого, делает вывод Овен, видно, что посмертное существование гарантируется и для мудрых, и для неразумных душ, однако, ни те, ни другие не ожидают от потустороннего мира своего рода компенсирующей справедливости.

Что касается стоического платонизма (имеется в виду использование стоиками разработанных Платоном и Аристотелем понятий), то здесь дело обстоит сложнее. Мнения Панэтия и Посидония, считает Овен, отличались от ортодоксального стоицизма. Судя по свидетельствам Цицерона, можно предположить, что и Панэтий и Посидоний склонялись скорее к платоновскому положению о бессмертии души (см., например, Cic. Tusc. I, 33, 80—81, где говорится об *aeternitas animorum*). Посидоний, возможно, считал, что только мировая душа бессмертна. По мнению Овена, в литературе нет вопроса более запутанного, чем проблема Посидония, которой автор посвящает пятую главу (стр. 95—102). Действительно, от Посидония дошли до нас незначительные отрывки, известна чрезвычайная дробность филологических аргументов за и против той или иной точки зрения Посидония, тем не менее, изумляет то, что Овен их совершенно не касается, ограничиваясь лишь кратким изложением существующих мнений. По мере ис-

следования проблемы, замечает Овен, образ Посидония становится все более «мистическим», подвергнутым более пифагорейско-платоновским влияниям, чем стоическим. С подобным истолкованием Посидония можно встретиться в работах В. Герхойзера, П. Капелле, Ф. Кюмона, Е. Бевана. Автор примыкает к взглядам К. Рейнхарда, который полагал, что Посидоний в какой-то мере совмещает стоические представления о посмертном существовании душ с пифагорейским воззрением о пребывании душ на Луне и Солнце.

В вопросе о том, что из себя представляют *immortales animi* Посидония (см. Cic., de div. I, 30, 64) — бессмертные человеческие души (Л. Стейн), или некие полубожественные демоны (Г. Ваксмут), или же то и другое одновременно — Овен считает возможным использовать любое из этих толкований. Таким образом, видно, что проблема упирается в источники Цицерона, которых, однако, Овен не касается. Автор считает влияние Посидония на I книгу «О гадании» Цицерона бесспорным, но мнение исследователей по этому вопросу далеко не единодушно. Панэтий и Посидоний, считают некоторые исследователи, верили в абсолютное бессмертие души, и это, полагает Овен, трудно совместить с общим положением стоиков о мировом пожаре. Автор считает, что Панэтий, в целом отвергая идею мирового пожара и поддерживая идею вечности мира, сохранял в то же время веру в ограниченное во времени и пространстве существование человеческой души после гибели тела (стр. 65). Помимо этого, души определенным образом участвуют в дивинациях (Cic., de div. I, 27—57), что указывает на признание за человеческой душой роли посредника между богами и людьми. Если души мудрецов доживают до мирового пожара, то они могут приобщиться к мировой душе или к таким элементам — стихиям, как воздух и огонь. Однако свидетельства Древней и Средней стои не позволяют с достоверностью судить об этом мнении стоиков и автор вынужден обращаться к текстам поздних стоиков. Можно полагать, что эта «промежуточность» человеческой души есть для стоиков необходимое условие поддержания единства и целостности мира.

Овен приходит к выводу, что стоики аллегорически интерпретируют традиционномифологические представления о пребывании душ в Аиде. Души после смерти тела принимают сферическую форму, совершенную по мнению древних, и многие стоики полагают, что это происходит по аналогии со звездами (о сферической форме звезд см. SVF, III, 650, 681, 682). Подобные истолкования красноречиво свидетельствуют о вере стоиков в небесно-эфирное, а не земное местопребывание души после гибели тела. И такой взгляд в значительной степени определяет период развития стои от Хрисиппа или даже от Зенона, до Посидония (стр. 78).

Если в первой части книги Овен оперирует небольшими фрагментами стоиков или свидетельствами, достоверность которых порой трудно доказать, то во второй части речь идет о крупных произведениях таких авторов поздней стои, как Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. Наибольшие затруднения у автора вызывает Сенека, несмотря на то, что, казалось бы, он отвечает всем обязательным требованиям ортодоксального стоика: у него можно встретить и идею мирового пожара, и веру в потустороннюю, ограниченную во времени и пространстве жизнь души, вместе с пренебрежением к ужасам Аида, иными словами, все признаки его принадлежности к традиционным стоикам. Овен находит много странного в жизни и творчестве Сенеки, который, считает Овен, знал и поддерживал стоическую доктрину о потустороннем и все же придерживался середины в вопросе о посмертном существовании души. Ряд мест из сочинений Сенеки обнаруживает его колебания и даже свидетельствует об его отрицании идеи потустороннего в духе Эпикура, о его близости к «мистическим» течениям, обусловленным, видимо, влиянием пифагорейзма. Эти различные, порой взаимоисключающие вариации позволяют говорить об эволюции представлений Сенеки, однако, здесь автор сталкивается с такой трудностью, как неустановленная хронология его философских сочинений (стр. 125), У Сенеки не было цельного и однородного учения.

Овен далек от того, чтобы видеть в Сенеке представителя мистицизма, вообще при-сущего, по мнению Ф. Кюмона, стоицизму начиная с Посидония. Сенека, полагает Овен, стоит изолированно в школе стоиков, что в значительной мере объясняется его литера-

турными пристрастиями. Овен допускает даже, что сочинения Сенеки порой искажают действительный смысл стоических представлений о потустороннем.

На основании единственного извлечения из текста «Бесед» Эпиктета Овен приходит к выводу, что Эпиктет, как, по-видимому, и его наставник Мусоний Руф, мыслит посмертное существование человеческой души в виде восхождения к элементам-стихиям. Марка Аврелия эта проблема, по мнению Овена, занимала гораздо больше, чем Эпиктета. Тем не менее, Марк Аврелий колеблется между двумя-тремя возможными вариантами, склоняясь к общестойческой идее ограниченного во времени существования души после гибели тела: души «растекаются и возгораются, возвращаясь обратно к семенобразующему разуму целого» (IV, 21).

Как мы видели, перед автором не стояла задача показать все разновидности и разветвления стоицизма в интересующем его аспекте. Тем не менее, если еще первая часть книги оставляет впечатление убедительности в существовании концепции потустороннего у ранних стоиков, то вторая часть вызывает у читателя законное чувство неудовлетворения. Например, в главе о Сенеке мы вправе ожидать от автора гораздо большего, чем только со знанием подобранные фрагменты. Главный недостаток концепции Овена кроется, на наш взгляд, в подходе автора к материалу: Овен, разбирая фрагменты стоиков, применяет понятия, выработанные гораздо позже, в новое время кантианской философией. Рассуждая в русле кантианских представлений о трансцендентном, решительно противопоставляемом у Канта явлениям реального мира, Овен произвольно обходит с текстами стоиков, не считаясь со спецификой собственно стоического взгляда на вещи. Между тем, в стоически ориентированном мышлении не было четкого противопоставления посюстороннего — потустороннему, то есть не было никакого потустороннего, понимаемого в трансцендентном, кантианском смысле, поскольку сфера высшей реальности мыслилась стоиками все же в рамках законов природы, а не в резком отрыве от космоса.

Овен, к сожалению, не использует конкретно-исторического материала, хотя рассмотрение стоических течений конца республики и начала империи с привлечением данных политической истории Рима позволило бы автору подойти к раскрытию темы о потустороннем с несколько иных позиций. Как известно, в самом начале империи поколение людей, пережившее падение республики и ставшее свидетелями многих общественных раздоров, стало заметно отходить от эпикуреизма, несмотря на былую популярность в Риме этого философского течения, которому принадлежит мысль о том, что человеческая жизнь кончается на земле, и вместе с телом погибает и душа. В сложившейся общественной ситуации образованные люди охотнее всего принимали стоицизм, который, хотя и не доказывал с неоспоримой точностью существование загробного мира, но оставлял надежду на будущую жизнь, что по всей видимости, должно было придать людям ощущение внутренней независимости и способность противостоять общественно-политическим неурядицам.

Судя по немногим выдержкам, которые приводит Овен во второй части книги, в Поздней стоицизм неожиданно был потерян интерес к доктрине потустороннего и на первое место выдвигаются проблемы морали, хотя ни логика, ни естественно-научные темы не были отвергнуты. Сам факт, что поздние стоики уже не были склонны к «мистическому» оформлению своих взглядов, связанных прежде всего с концепцией посмертного существования человеческих душ, не нашел, однако, в книге Овена своего объяснения. Очевидно, это было вызвано изменениями в социальной структуре империи, размыванием традиционных социальных связей, появлением иных форм политического волеизъявления, что сменило центробежные тенденции ранних стоиков вспыхнувшим интересом к внутреннему миру человека. Внешними проявлениями этих изменений были легковерие, тенденция обращать внимание на парадоксальное и неправдоподобное, склонность демонизировать существующее и сильное стремление избавиться от рабства детерминизма. В социальном плане обнаружались признаки замкнутости, что вызвало появление к жизни собственных моральных систем.